

Б. А. Ахмадулина

АХМАДУЛИНА Белла (Изабелла) Ахатовна [10.4.1937, Москва] — поэтесса, переводчица.

В 1960 окончила Лит. ин-т им. М. Горького. Первая книга стихов **«Струна»** вышла в 1962, за ней последовали **«Уроки музыки»** (1969), **«Стихи»** (1975), **«Свеча»** (1977), **«Метель»** (1977), **«Тайна»** (1983), **«Сад»** (1987), **«Побережье»** (1991), **«Гряда камней»** (1995). А. начинала в группе т. н. «громких», трибунных молодых поэтов 1960-х, но занимала в ней особое место. Ей никогда не была свойственна открытая публицистичность Е. Евтушенко, масштабный разворот «антимиров» А. Вознесенского, однако по-своему ей близки внутренний динамизм, чувство движения времени, острое ощущение новизны, характерные для поэзии «громких». В ранний период своего творчества она испытывала неистребимую тягу к дороге, открывающей «за далью — даль», новые края, к стремительному, дерзкому движению. В стих. **«Светофоры»** (сб. «Струна») А., постоянно сдерживая себя («Постой, не гони»), все-таки покорялась движению: «О, извечно гудел и сливался, / О, извечно бесчинствовал спор: / Этот добрый рассудок славянский / И косою азиатский напор. / Видно, выход — в движении, в движении, / В голове, наклоненной к рулю, / В бесшабашном головокруженьи / У обочины на краю».

В последующих сб. А. внешнее движение все заметнее уступает место движению внут-

реннему, душевной сосредоточенности. Некоторые критики стали даже упрекать ее в камерности, в отрешенности от общих проблем жизни, но, как справедливо заметил латышский поэт Марис Чакалс, в лирике А. «из тонкого, небольшого импульса, зачастую вызванного обыденным поводом, создается сложный поэтический мир, который заключает в себе точно увиденный микромир, глубоко интимное чувство, внутренне выстраданный широкий мир с его жизненными коллизиями» (Дружба народов. 1975. № 7. С. 246).

Тема творчества, заявленная еще в «Струне», тема рождения прекрасного становится одной из центральных в поэзии А. Напор творческой страсти и блаженство освобождения от него, связанные с процессом рождения сложной поэтической гармонии, у А. особенно ощутимы в «звукорождении», в музыке слова, в интонации стиха, сопрягающей физический акт речи с духовной открытостью высказывания. В стих. **«Однажды, покачнувшись на краю...»** она признается: «Я стала жить и долго проживу. / Но с той поры я мукою земною / Зову лишь то, что не воспето мною, / Все прочее — блаженством я зову».

Еще в 1957 А. писала: «Влечет меня старинный слог. / Есть обаянье в древней речи. / Она бывает наших слов / И современнее и резче». На формирование неповторимой интонации поэтессы, ее речевого строя, который условно можно, очевидно, назвать барочным, оказали влияние Пушкин и Лермонтов, Ахматова и Цветаева, Пастернак и П. Антокольский, а также грузинская поэзия, которую она много переводила. Одному из наиболее близких ей грузинских поэтов она посвятила стих. **«Симону Чиковани»** (1963).

В сб. «Струна» интонационный строй оставался ощущение, что сильное и потенциально глубокое дыхание А. не раскрывается полностью, ритм «забывает» мелодию стиха, паузы задерживают дыхание, делая его несколько стесненным и неровным. В последующих книгах А. синтаксические периоды удлиняются, дыхание становится более глубоким и свободным, ритмика и мелодика стиха более сложными и разнообразными. Лит. ситуация 1960–70-х, связанная с развитием «тихой поэзии», оказалась благоприятной для А.; она способствовала развитию в ее лирике медитативности, но не укротила в ней внутренней подвижности и силы чувств, не примирила поэтессу с обывательской тишиной, что особенно ощущается в поэме **«Сказка о Дожде»** (1962).

Промокшая до нитки героиня, оставив на крыльце своего неотступного спутника — Дождь, приходит в уютный, respectable дом. «Признаться, я любила этот дом. / В нем свой балет всегда вершила легкость. / О, здесь углы не ушибают локоть, / Здесь палец не порежется ножом. Внимание хозяев к «одаренности», камин, вино, хрусталь и шелка располагают, казалось бы, героиню к доброте и всепримиряющей любви, заставляют на время забыть о неприкаянном, оставленном на улице Дожде, с которым никак нельзя быть вместе в таком доме и у таких хозяев. «Я делаю все больше, все добрей! / Смотрите — я уже добра, как клоун, / Вам в ноги опрокинутый поклон!» А. не случайно говорит о такой всеобъемлющей, расплывающейся доброте с оттенком ожесточения и горькой иронии, сравнивает себя с клоуном. Дело в том, что в любезностях хозяина и хозяйки, в расспросах гостей героиня почувствовала ритуальность, скрытые за вниманием высокомерие и самолюбование, снисходительность к «одаренностям» не от мира сего, праздное любопытство людей, пресыщенных покоем и уютом, и это вызывает у нее протест, неприятие. Сыграл здесь свою роль и Дождь, который напомнил о себе, как беспоконная совесть, и которого она в конце концов зовет в дом, где он воспринимается хозяевами и гостями чуть ли не как всемирный потоп.

Как художник А. чутко ощущает нравственную глухоту эстетствующих хозяев и гостей дома, больше всего заботящихся о своем покое и благополучии. «Хозяин дома прошептал: / — Учти, / Еще ответишь ты за эту встречу! — / Я засмеялась: / — Знаю, что отведу. / Вы безобразны. Дайте мне пройти».

Кроме «Сказки о Дожде», А. написаны поэмы «Озноб» (1962), «Моя родословная» (1963), «Приключение в антикварном магазине» (1964), «Дачный роман» (1973) и «Недуг» (1995), сценарии «Чистые пруды» и «Стюардесса» (в сотрудничестве с Ю. Нагибиным), несколько очерков («На сибирских дорогах») и рассказов («Бабушка», «Много собак и Собака», «Нечаяние» и др.).

Мн. стихи А. посвящены теме дружбы («Мои товарищи», «Гостить у художника», «Рисунок», «Зимняя замкнутость», «Письмо Булату из Калифорнии», «Я думаю: как я была глупа...», «Анне Каландадзе», «Роза» и др.), Ленинграду-Петербургу и его окрестностям («Ленинград», «Посвящение», «Ровно полночь...», «Стена», «Грядя камней» и др.),

А. Блоку и др. петербуржцам («Бессмертьем душу обольщая...», «Темнеет в полночь и светает вскоре...», «Побережье», «Завидев дом, в испуге безязыком...», «Дом с башней», «Поступок розы» и др.)

Для А. характерен поиск гармонического взаимодействия между культурой, повседневным бытом и природой. В ее лирике влияние одного поэта уравнивается влиянием другого, лирическая дерзость, непокорство и экспрессивность Цветаевой «смирятся» спокойной торжественностью Ахматовой, лирический импрессионизм раннего Пастернака в восприятии природы дополняется гармонической пластикой зрелого Пушкина. Подобно тому как это было в поэзии Пастернака, природа в лирике А. все активнее становится живой соучастницей человеческой жизни и творчества. Всмотриваясь и вживаясь в нее, поэтесса все отчетливее чувствует и узнает в ней пушкинские черты, которые в ее лирике дают о себе знать пушкинскими образно-стилистическими и ритмико-интонационными реминисценциями: «Вновь грозно-нежен разворот небес / В знак бедствий всех и вместе благоденствий. / День хочет быть — день скоро будет — есть / Солнце-морозный, все точь-в-точь: чудесный»; «Во всем ловлю таинственные знаки, / То след примечу, / То слышу речь. / А вот и лошадь запрягают в санки. / Коль ты велел — как можно не запречь?» Во многих стихах Таруса и окрестные селения Пачево, Поленово, Алексино, Ладыкино стали для А. своего рода Михайловским, а главным эстетическим ориентиром для нее со временем становится все больше Пушкин.

Статьи А. посвящены в основном Пушкину и Лермонтову, Цветаевой и Ахматовой; воспоминания — Б. Пастернаку, В. Набокову, А. Твардовскому и Е. Винокурову.

Соч.: Сны о Грузии / вступ. статья Г. Маргвелашвили. Тбилиси, 1977; Избранное: стихи. М., 1988; Стихотворения. М., 1988; Звук указующий: Избранные стихи. 1956–1992. СПб., 1996. Сочинения: [в 3 т. / сост. и подгот. текста Б. Мессерера, О. Грушниковой; комм. О. Грушниковой]. М., 1997; Миг бытия: [проза]. М., 1997; Зимняя замкнутость: Приношение к двухсотлетию А. С. Пушкина. СПб., 1999; Влечет меня старинный слог. М., 2000; Пуговица в китайской чашке: Книга новых стихотворений. СПб., 2001; Блаженство бытия. Стихотворения. М., 2001; Проза поэта. М., 2001.

Лит.: Марченко А. Страна // День поэзии. М., 1962; Лесневский С. Не зря слова поэтов осеняют... // Лит. газ. 1962. № 106. 4 сент.; Светлов М. «Струна» Беллы Ахмадулиной // Светлов М. Беседует поэт. М., 1968; Етушенко Е. Любви и печали порыв центробежный // Дружба народов. 1970. № 6; Шагинян М. Читая

«Уроки музыки»... // Лит. Россия. 1970. 26 июня; Михайлов А. Открытие Пушкина // Михайлов А. Ритмы времени. М., 1973; Колмановский Е. Трудно быть поэтом // Звезда. 1976. № 3; Антокольский П. Белла Ахмадулина // Антокольский П. СС. М., 1973. Т. 4; Чупринин С. Белла Ахмадулина: я воспою любовь // Чупринин С. Крупным планом. М., 1983; Новиков В. Боль обновления // Лит. обозрение. 1985. № 1; Ерофеев Вик. Новое и старое: Заметки о творчестве Беллы Ахмадулиной // Октябрь. 1987. № 5; Мустафин Р. Поиск алгоритма: Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной // Дружба народов. 1985. № 6; Маргвелашвили Г. Когда на нас глядит поэт (Белла Ахмадулина) // Маргвелашвили Г. Когда на нас глядит поэт... М., 1990; Винокурова И. Тема и вариации: Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной // Вопр. лит.-ры. 1995. Вып. IV. Березин В. Тяжелый подвиг — быть пылким и возвышенным: [рец. на «Миг бытия»] // Лит. газ. 1997. № 44. 29 окт.

М. Ф. Пьяных

АХМАТОВА (настоящая фамилия Горенко) Анна Андреевна [11(23).6.1889, Большой Фонтан, близ Одессы — 5.3.1966, Домодедово, под Москвой; похоронена в пос. Комарово под Петербургом] — поэт.

Отец Андрей Антонович Горенко был инженером-механиком флота, капитаном 2-го ранга; в 1890 семья поселилась в Царском Селе. В столичном Морском ведомстве и учебных заведениях отец занимал различные административные и преподавательские должности. В семье было шестеро детей.

А. А. Ахматова

Отец не вникал в жизнь дома и вскоре ушел из семьи. К ранним поэтическим занятиям своей дочери относился весьма скептически и раздраженно. По этой причине первая публикация («**На руке его много блестящих колец...**») в издававшемся Н. Гумилевым в Париже ж. «Сириус» (1907. № 2) появилась под инициалами А. Г. Затем она придумала себе псевдоним, выбрав фамилию своей прабабки, ведшей род от татарского хана Ахмата. Впоследствии А. рассказывала: «Только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы... Мне потому пришло на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: „Не срами мое имя“. — „И не надо мне твоего имени!“ — сказала я...» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой // Нева. 1989. № 6. С. 38).

В отличие от отца, мать А. была неизменно чуткой, внимательной к занятиям дочери. Поэтический талант шел, по-видимому, именно от нее. В родне матери были люди, причастные к лит.-ре. Например, ныне забытая, а когда-то известная Анна Бунина (1794–1829) (названная А. «первой русской поэтессой») приходилась теткой отцу матери Эразму Ивановичу Стогову, оставившему небезыңтересные «Записки», опубликованные в свое время в «Русской старине» (1883. № 1–8).

В Царском Селе А. училась в Мариинской гимназии, а лето обычно проводила вместе с семьей под Севастополем. Впечатления от Причерноморья впоследствии отразились в различных произведениях, в т. ч. в ее первой поэме «**У самого моря**» (1914). Сильнейшей любовью, духовной и поэтической родиной оставалось до конца жизни Царское Село, неотрывное от имени Пушкина. Стихи начала писать рано и в девические годы написала их около 200; отдельные стихи, дошедшие до нашего времени, относятся к 1904–05 (см.: Памятники культуры. 1979. Л., 1980. С. 140–144). В 1903 познакомилась с Н. Гумилевым — он был старше ее на 3 года и тоже учился в Царскосельской гимназии. (Они поженились в 1910.) После развода родителей А. вместе с матерью переезжает в Евпаторию — ей грозил туберкулез, бывший бичом семьи. Гимназический курс она проходила на дому. Но уже в 1906–07, несколько оправившись, стала учиться в выпускном классе Фундуклеевской гимназии в Киеве, а в 1908–10 на юридическом отделении Высших женских курсов. Все это время не переставала писать стихи. Судя по немногим из них сохранившимся, а также по выска-